

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 2, pp. 455–464, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-455–464
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.22

Художественно-эпическая трансформация древнего эпоса об Айне и Гайне в этногенетическую легенду гайнинских башкир

Нэркэс Ахметовна Хуббитдинова¹, Гульнар Вилдановна Юлдыбаева²

¹ Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН
 (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, главный научный сотрудник
 0000-0003-3719-6978. E-mail: narkas08@mail.ru

² Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН
 (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-4973-2267. E-mail: nargul1976@list.ru

Аннотация. *Введение.* Сегодня по результатам полевых исследований и анализу собранного фольклорного материала наблюдается исчезновение, стирание из народной памяти крупных эпических произведений. Удастся зафиксировать лишь его фрагменты в виде фабулы или отдельных отрывков из эпоса. По мнению авторов, некоторые эпические памятники могли дойти до нас в виде кубаиров (эпических сказаний) и озон күй (народных протяжных песен, легенд). Так, до наших дней дошли эпосы «Акбузат», «Идель и Яик», «Царь Шульган и Минэй-батыр», «Кунгыр-буга», которые в целом составляют эпос «Урал-батыр», дополняют его и продолжают. Этногенетическая легенда об Айне и Гайне в основе своей также может являться частью некогда известного древнего эпоса башкирского народа. *Цели и задачи.* Цель статьи — выявить и рассмотреть древние представления башкир из рода Гайна о мире и окружающей природе, их верования, художественно-эстетические традиции, обряды и обычаи, которые характерны для архаичного эпосотворчества и сохранились в вариантах этногенетической легенды о башкирском роде Гайна — «Гайнинцы», «Тулвинцы», «Айна и Гайна». Для достижения этих целей был решен ряд задач: установление в данной легенде художественно-эстетических особенностей, характерных для традиций эпосотворчества; выявление мифологического, мировоззренческого своеобразия отраженных в легенде солярных, сакральных мотивов, близнечных, тотемных образов, мотива образования рода в результате брачного союза культурного героя-демиурга и мифической *ар* из рода ведьм и т. д. *Результаты и выводы.* Известно, что эпос складывался веками, передавался из поколения в поколение, отшлифовывался и совершенствовался. Но в какой-то момент некоторые произведения перестают существовать как эпическое произведение. Возможно, причина этого кроется в стирании из памяти народа целостной картины некогда бывшего древнего эпоса, неких сакральных знаний и опыта. В результате проведенного исследования авторы пришли к *выводу* о том, что в осколке или какой-то части когда-то известного древнего эпоса о демиурге *ар* — мифической праматери башкирского рода Гайна и двух братьях Айна и Гайна, дошедшего до нас лишь в

виде мифологической легенды, знания сказителей уже были утрачены. Это, в свою очередь, привело к разрушению эпического сюжета, десакрализации древних верований и ритуалов, в том числе к утрате силы некогда отрицательной героини, безобразной колдуньи ар — Тулауа, преобразившейся в прекрасную и добрую девушку, ставшей праматерью гайнинцев и т. д.

Ключевые слова: этногенетическая легенда, башкиры, Айна и Гайна, архаический эпос, традиции, десакрализация, тотем, первопредок

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-412-020008 «Архаический эпос башкирского народа: художественно-стилистический аспект (эпосы „Урал-батыр“, „Акбузат“, „Заятуляк и Хыухылу“)».

Для цитирования: Хуббитдинова Н. А., Юлдыбаева Г. В. Художественно-эпическая трансформация древнего эпоса об Айне и Гайне в этногенетическую легенду гайнинских башкир // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 455–464. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-455-464

UDC: 398.22

Epic of Aina and Gaina – and the Gaina Bashkirs: Transformation of the Ancient Narrative into a Local Ethnogenetic Legend Revisited

Narkas A. Khubbitdinova¹, Gulnar V. Yuldybaeva²

¹ Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0003-3719-6978. E-mail: narkas08@mail.ru

² Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS, (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-4973-2267. E-mail: nargul1976@list.ru

Abstract. Introduction. The article considers the Bashkir folk ethnogenetic legend of Aina and Gaina supposed to contain ancient mythological views of the ethnos, beliefs and traditions characteristic of archaic epic folklore. **Goals.** The work seeks to identify the Gaina Bashkirs' ancient perceptions of the world and nature, their aesthetic traditions and customs traced in surviving variants of the ethnogenetic legend. **Materials and Methods.** It is known that epics take shape over centuries, passing from generation to generation, improved and polished. But at certain points, some of such epic narratives literally cease to exist as ones. This may be caused by that holistic elements of a once ancient epic simply sink into oblivion. Similarly, the surviving fragment of the once famous epic about the female demiurge Ar — a mythical foremother of the Bashkir clan Gaina — and the two brothers Gain and Aina (who saved the Sun) takes the form of a mythological legend, and quite a share of tale-tellers' knowledge vanishes, which leads to the destruction of the epic plot, desacralization of ancient beliefs and rituals. **Results.** The paper shows this may have resulted from that the northwestern Gaina Bashkirs had been isolated from their historical homelands in the Republic of Bashkortostan. Assimilation, introduction of a different language and cultural elements led to the destruction of the archaic worldview and indigenous traditions: no long songs were sung, no epic recited. However, due to somewhat genetic memory of the Gaina people at least a fragment of the ancient epos has survived, even though in a different form. So, the core of the ethnogenetic legend of Aina and Gaina is the once widespread ancient mythological epic about the salvation of the Sun by brothers, their struggle against a mythical being, victory of good over evil, and the hero's marriage to the mythical creature Ar, resulting in the emergence of the ancient Bashkir tribe.

Keywords: ethnogenetic legend, Aina and Gaina, archaic epic, traditions, desacralization, totem, primal ancestor

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project no. 19-412-020008 ‘Archaic Epic of the Bashkir People: Artistic and Stylistic Aspects (*Ural-Batyr, Aq buzat, Zayatul yak and Khyukhyly*)’.

For citation: Khubbitdinova N. A., Yuldybaeva G. V. *Epic of Aina and Gaina* – and the Gaina Bashkirs: Transformation of the Ancient Narrative into a Local Ethnogenetic Legend Revisited. *Oriental Studies*. 2020; Vol. 13(2): 455–464 (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-455-464

Введение

Известно, что эпос является результатом длительного коллективного творчества не одного поколения. Поэтому у него нет конкретного автора, творца. Как верно отмечал А. Н. Веселовский, в создании эпоса огромную роль играли лиро-эпические песни, которые появились как отклик на происходящее или на прошлые исторические события, сыгравшие огромную роль в судьбе народа. Через некоторое время острота событий притупляется, эмоции утихают, и рождается эпическая песня. Схожесть тем и героев, логическая цепочка развивающихся событий приводят к образованию циклов, складывающихся в эпос, в котором еще содержится ритуальность, сакральность, и в то же время усиливается героическое, реалистическое начало (например, в основу карельского народного эпоса «Калевалы», «Большая Эдда» и «Малая Эдда» скандинавских народов легли древние эпические песни, мифологические сюжеты и т. д.) [Веселовский 1940: 56–57].

Так, на основе циклов кубаиров¹, возможно, зарождался башкирский народный эпос «Урал-батыр». Такие эпосы, как «Яик и Идель», «Акбузат», «Царь Шульген и Минэй-батыр», «Кунгыр-буга», составляют основу цикла эпоса «Урал-батыр». В них продолжает развитие основная тема, упоминаются схожие герои, которые в «Урал-батыре» не были раскрыты полностью и сохранились фрагментарно. Эпос через какое-то время может обратно распадаться на отдельные песни, кубаиры, легенды, даже мифы. Например, в башкирском народном творчестве известен кубаир «Карас и Акша», вплетенный в предание-риваят о схватке башкирского и казахского батыров.

¹ Жанровая форма и тип стиха башкирского героического эпоса.

По своему эпическому масштабу, героической пафосности и идейно-тематической художественной направленности это произведение представляется неким осколком какого-то отдельного исторического эпоса о роде Гайна, возможно, называвшегося, как и легенда, «Айна и Гайна». Именно такая вероятность позволила Н. Т. Зарипову включить данный кубаир в том «Исторические кубаиры» многотомного академического свода «Башкирское народное творчество» [БНТ 2000: 217–220].

Цель и задачи. Цель статьи — выявить и рассмотреть древние представления башкир из рода Гайна о мире и окружающей природе, их верования, художественно-эстетические традиции, обряды и обычаи, которые характерны для архаичного эпосотворчества и сохранились в вариантах этногенетической легенды о башкирском роде Гайна — «Гайнинцы», «Тулвинцы», «Айна и Гайна». Для достижения этих целей был решен ряд задач: установление в данной легенде художественно-эстетических, идейно-политических особенностей, характерных для традиций эпосотворчества; выявление мифологического, мировоззренческого своеобразия отраженных в легенде солярных, сакральных мотивов, близнецных, тотемных образов, мотива образования рода в результате брачного союза культурного героя и мифической ар из рода ведьм и т. д.

Материалы и методы. В качестве материала исследования выступила этногенетическая легенда и образцы эпоса, необходимые для выявления особенностей традиций эпосотворчества — мотивов, сюжетов, системы образов [БНТ 1997: 115–117]. Для этого в статье применялись сравнительно-сопоставительный, текстологический, аналитический методы исследования.

Основная часть

Целостную картину сюжетно-композиционного строя эпического произведения могут составлять кубаиры (небольшие по объему эпосы), иртэки (эпические памятники, в которых чередуется проза с поэзией). Также элементами эпического наследия могут выступать и мифические легенды, в основе которых лежат сакральные поверья, содержится древний сюжет борьбы первопредка — культурного героя с демоническими силами, где утверждается добро и справедливость (происходит возвращение небесного светила или огня на землю, обнаружение новых плодородных земель для жизни и т. д.). Одним из наиболее древних представлений считается то, что в начале мифологического времени солнце, как и другие светила, отсутствует. «К числу архаических солярных мифов принадлежат мифы об исчезновении и возвращении солнца» [Мифы народов мира 1988: 461].

Этот древний миф часто встречается в архаическом эпосе. Так, в древнем якутском народном эпосе — олонхо об Эр-Соготохе — герой является первопредком и ищет себе спутницу, чтобы стать родоначальником людей, основателем рода. Миф о культурном герое, надо отметить, более всего сохранился в преданиях о первопредке якутов Элэ-Эр-Соготохе [Мелетинский 1976: 272].

В древних сказаниях о герое адыгского нартского эпоса Сосруко повествуется, как культурный герой добывает огонь [Мелетинский 1976: 272, 273]. По другому варианту данного эпоса герой добывает нартам огонь и семена проса и т. д. [Мифы народов мира 1988: 464]. В карело-финском сказании герой совершает космогоническое деяние, добыв небесное светило, что, возможно, легло в основу финского эпоса «Калевала» [Мелетинский 1976: 273].

Подобное своеобразие поэтики архаического эпоса, в основе которого лежат эти и другие сакральные поверья, мифологические мотивы и образы пережили художественную трансформацию в меньший формат в виде башкирской этногенетической легенды рода Гайна. Другими словами, некогда известный древний башкирский эпос об Айне и Гайне дошел до наших дней в виде легенды.

Род Гайна является одним из самых крупных родовых (клановых) образований башкирского народа. Селения, основанные гайнинцами, компактно расположены в основном на территории Бардымского района Пермского края РФ. Отдельные гайнинские селения находятся в ряде других районов Пермского края, Свердловской области и Республики Башкортостан [История 2015: 9]. Сегодня «...общую численность потомков башкир рода Гайна можно оценить в 66 000 чел.» [История 2015: 155].

Каждый род имеет специальные родовые знаки — тамги, клич-оран, тотемное дерево, птица. Так, род Кырагай-Кыпчак отличается от других своим деревом (карагач), кличем «Туксаба!», птицей (ястребом). Конечно, народ всегда ценил свою родовую атрибутику, наделял ее сакральным смыслом и берег, передавая как наследие из поколения в поколение.

В XVI–XVII вв. хозяйственный быт гайнинцев определялся занятиями охотой, бортничеством, земледелием и домашним скотоводством. Ранний переход к оседлости от кочевого / полукочевого образа жизни привел к утрате представлений о степной жизни: как утверждают ученые, ничего не сохранилось ни в памяти народа, ни в его фольклоре [Шитова 2012: 19–75, 51]. Тем не менее, однако, фольклор гайнинцев очень богат разнообразными жанрами, о чем свидетельствуют научные экспедиции, организованные башкирскими учеными начиная с 1963 г. в Пермский край РФ. Одним из таких жанров является легенда, например, этногенетическая легенда рода Гайна, известная в нескольких вариантах: «Тулвинцы», «Айна и Гайна», «Гайна».

В этих легендах, в частности, содержится архаическая история о происхождении башкирского рода гайна: по одному из вариантов, в результате брачного союза с демоническим существом — ведьмой ар Тулауа, по другому — добывания с помощью оленя плодородной земли для начала жизни нового рода.

Легенда «Айна и Гайна» начинается следующим образом: «Раньше солнце было за Тулвом. Его похитила одна старуха *убыр* (ведьма). Украла и заточила его в одной

пещере, что находится в густом лесу за горой...» [БНТ 1997: 114–115]².

Древний солярный мотив о спасении солнца преимущественно сохранился в двух вариантах легенды: в тексте «Гайнинцы» юноша по имени Гайна верхом на олене пришел в дикий и холодный край, где не было солнца, которое похитил *аждаха*-дракон: «Гайна пришел, зарубил аждаху и вывел солнце из-под земли. Привязал его на оленьи рога и переплыл через реку Тулва на эту сторону. Солнце поднялось высоко в небо...» [БНТ 1997: 116].

Наличие в легенде двух братьев имплицитно отсылает нас к так называемым близнецным мифам, в которых один из братьев вершит обычно добрые дела, второй — лишь отрицательные. Такое положение вещей, дуальность братьев вызывает устойчивую аллюзию к башкирскому народному эпосу «Урал-батыр», где также действуют два брата — старший Шульген и младший Урал.

В ходе развития событий в легенде не говорится о противостоянии Айны и Гайны, а также и о том, кто же из них старше, а кто — младше, и тем более о том, что они могли быть близнецами. Если же учесть, что в арабском алфавите Айн — 18-я буква, а Гайн — 19-я, то порядковость может свидетельствовать о старшинстве первого. Однако это лишь гипотеза, и она требует тщательной дальнейшей проработки.

Во всех вариантах легенды об Айне и Гайне главенствующая роль отводится первому брату. Легенда умалчивает о характере и намерениях брата Айны. В варианте легенды «Тулвинцы» он сходит со сцены действия, погибая от рук Тулауа из мифического племени ар. В варианте «Гайна» он и вовсе не упоминается, события разворачиваются вокруг одного Гайны. В то время как в варианте «Айна и Гайна» братья живут и действуют сплоченно и вместе добывают солнце: «...Айна и Гайна поместили его в большой *куржун* из оленьей шкуры и увезли на берег Тулва» [БНТ 1997: 115]. При-

чина этому, вероятно, кроется в стирании из памяти народа целостной картины некогда древнего эпоса о двух братьях и ведьмы *ар*. В сохранившихся текстах в виде мифологической легенды знания сказителей, видимо, уже утрачены, что привело к разрушению эпического сюжета, десакрализации древних верований и ритуалов, когда «...по мере трансформации близнецных представлений утрачивается антагонизм божественных близнецов, позднее из мифа устраняется один из близнецов» [Мифы народов мира 1987: 176].

Не менее древним мотивом является мотив «поиска утраченного», который способствует образованию сюжетной линии, основанной на конфликте. Как было сказано, братья пришли на безлюдные земли с густыми лесами, зеленой травой, куда они пустили пастись своих оленей, а сами легли отдохнуть. Пока они спали, кто-то так извел их оленей, что к утру они выглядели взмыленными и изможденными. Братья решили выяснить причину такого состояния своих животных: ночью стали по очереди сторожить их.

Гайнинскую легенду от сказок отличает четное количество дежуривших героев: их было лишь двое. Но, как и в сказке, сперва сторожит Айна, предположительно, старший брат. Во вторую ночь — младший Гайна, обнаруживший мифическое существо, которое и изматывало оленей всю ночь.

Вообще в сказках желание понять причину ущербности чего-либо или измученности кого-либо является зарождением конфликта, влекущим за собой ряд действий. В одну из ночей около животных (или в саду с золотыми яблоками) в первую ночь дежурит старший брат, во вторую — средний, в следующую ночь — третий, младший. Эта очередность в попытке разрешения конфликта является характерным художественным элементом для волшебных сказок. Так, в башкирской народной сказке «Золотое яблоко» или «Таз и Халмаур» из царского сада или отцовского огорода пропадают золотые яблоки или горох. Для поимки вора три царевича или три сына старика должны были ночью по очереди сторожить сад [БНТ 1976: 52–54, 303–307].

Известно, что в этногенетических легендах повествуется история происхождения того или иного рода или племени, освоение

² Легенда была записана во время фольклорной экспедиции в 1963 г. известным башкирским ученым-фольклористом Киреем Мэргэном (Ахнаф Киреев) у жителя деревни Удик (Елпичиха) Осинского района (ныне Бардымского района) Пермского края Хайдерхана Ибрагимова. — Н. Х., Г. Ю.

плодородных земель для зарождения новой жизни. У башкир, например, кроме крупных семи родов, существует много разных родов и племен, которые подразделяются на мелкие подгруппы — ара, аймак, о происхождении которых рассказывается в различных легендах («Откуда произошло слово *башкорт*?», «Род волков», «Семь родов», «Род кыпчак», «Кыпчаки» и др.).

У истоков происхождения рода или племени могло стоять, по преданиям, какое-нибудь животное, которое помогало культурному герою-демиургу. Одним из них, например, является олень или марал, который считается также священным животным у киргизов. Как гласит легенда, киргизский род Бугу произошел от маралов или оленей, которые спасли от верной голодной смерти двух сирот — мальчика и девочку. Дети подросли, и в результате их союза родился сын по имени Бугубай, который женился на девушке из рода Кыпчак. По легенде, именно от родившихся у них сыновей произошел род Бугу [Бакиров 2017].

Тамгой этого рода является олений рог, а кличем — «Бугу!». Как видим, у киргизов олень был священным животным, и эта легенда вызывает устойчивую реминисценцию к башкирской легенде «Айна и Гайна».

В башкирской легенде братья прибыли в долину реки Тулва именно на двух белых оленях. На рогах оленя Гайна вывез солнце на белый свет из-под земли. Данный мотив вызволения небесного светила из плена своими корнями уходит в мифологию индоевропейских, кавказских, урало-алтайских и палеоазиатских народов и т. д. [Илимбетова 2012: 165].

Следует отметить, что образ оленя в рассматриваемом произведении выполняет важную идейно-художественную функцию, заключающуюся в выборе благополучного места для жизни, продолжения рода, что является традиционным мотивом для этногенетических легенд башкирского народа. Так, в легендах «Откуда пришел башкир», «Река Буреле», «Айлинцы, Мурзы, Тираклинцы» и др. волки или лошади находят благодатный край с сочной травой и полноводными реками [БНТ 1997: 104–105, 106, 120]. Долины реки Тулва, куда, как гласит легенда «Айна и Гайна», пришли олени, также были богаты сочной травой, что имеет большое значение, прежде всего, для

кочевника. Возможно, олень в древности также являлся тотемным животным у гайнинцев.

Отсылка башкирской легенды к этногенетическому мотиву особенно усиливается при упоминании другой древней киргизской легенды. Согласно ей, во время охоты двум братьям удалось повстречать оленя. Когда охотники хотели его пристрелить, к ним вдруг вышла девушка неписаной красоты с оленьими рогами на голове. Она попросила их не стрелять в животное, говоря, что это ее брат. В благодарность девушка вышла замуж за одного из двух братьев. Наличие на ее голове оленьих рогов позволило называть ее Рогатая госпожа — байбисэ. Она была хранительницей священного озера Иссык-Куль [Бийгельдиева 2016: 183].

В варианте башкирской легенды гайнинцев «Тулвинцы» также упоминается девушка. Однако сперва она предстала перед братьями в образе вышеупомянутой ведьмы ар по имени Тулауа — прообраза башкирского лесного шурале или ярымтыка: безобразное совершенно нагое существо с телом, покрытым шерстью, с обвислыми грудями, одну из которых оно закинуло за шею, вторую обернуло вокруг талии. Если Айна не смог с нею совладать, то Гайне удалось это сделать: «Закинув на нее свое лассо, он стянул ее с оленя, затем обвив в кулак ее длинные волосы, два раза отхлестал своим кнутом. В тот же миг ведьма обернулась красивой девушкой и взмолилась: „Не сечи меня, братец! — говорит она. — Я женой тебе буду“. Тогда Гайна заставил ее поклясться, что она не будет больше творить зло. Привязав ее за волосы к оленьим рогам, положил на своего оленя и увез к себе домой». Затем, конечно, женился на ней, в результате их брака и появился башкирский род Гайна [БНТ 1997: 114–115].

Надо отметить, что мотив поимки мифического существа женского пола за его длинные волосы является традиционным художественно-эстетическим элементом для башкирского эпоса. Так, герой башкирского народного эпоса «Акбузат» Хаубан-батыр таким образом не отпускает деву вод по имени Наркас — дочь царя озера Шульган («...на золотом троне, распустив золотые косы, какая-то девушка сидит, волосы расчесывает... Незаметно подкрался Хаубан, схватил девушку за волосы и на-

крутил их на руку») [Акбузат 1977: 373–417, 381].

Подобную картину наблюдаем также и в эпосе «Заятуляк и Хыу-хылу», в котором Заятуляк схожим образом подчиняет себе другую царевну Хыу-хылу — дочь царя озера Аслыкуль («...на берегу, на плоском камне сидит водяная девушка и, распустив косы, расчесывает золотым гребнем черные волосы... Изумленный красотой девушки, долго стоял егет (юноша. — Н. Х., Г. Ю.) и не мог прийти в себя. Потом он тихонько подкрался к девушке и неожиданно схватил ее за мягкие, словно шелк, черные волосы...») [Заятуляк и Хыухылу-1977: 418–427, 419].

И, что примечательно, именно после такого поступка героев девушки согласны выйти за них замуж.

Как видим, в гайнинской легенде также прослеживается данный традиционный мотив, характерный для национального эпоса. Отличие может быть лишь в том, что в упомянутых эпосах героини — девы вод не олицетворяют злого духа, в отличие от демонологического образа ар из легенды. Однако в нем четко прослеживается ее перерождение из отрицательного персонажа в положительного, вознесенного до образа праматери рода Гайна.

Известно, что до принятия ислама все мифические существа — хозяева гор и лесов, озер и рек: шурале, Ящура – Баба-Яга, мэскэй, ярымтык и другие считались хранителями околodomашнего мира, природы в целом, поэтому всячески почитались, им осуществлялись жертвоприношения. Однако после принятия мусульманской религии все эти и другие суеверия, а также сами существа приняли вид отрицательных и запретных героев [Хуббитдинова 2011: 21].

В рассматриваемой легенде («Тулвинцы») мифическая ар также упоминается как хозяйка этих диких мест. И здесь, в отличие от другого варианта под названием «Айна и Гайна», не говорится о том, что она крала солнце, она лишь изводила оленей героев, за что и поплатилась. Возможно, по натуре Тулауа и не имела скверного характера и являлась лишь хранительницей этих мест. Приход чужаков на ее территорию нарушил ее покой. Чтобы защитить свою землю, она изводила оленей, которые привезли людей сюда, и лишила жизни одного из братьев: в первую ночь, когда за оленями следил стар-

ший брат Айна, она схватила его и закинула высоко вверх, а затем высосала у него кровь из пятки [БНТ 1997: 114]. Тулауа обладает свойством убыва (мэскэй) — злого духа, согласно народному верованию, способного высасывать кровь у людей. Как видим, трансформация образа мифической ар происходит как бы в обратном направлении — от отрицательного характера к положительному.

Мифические существа женского пола играли большую роль в формировании представлений о жизни и окружающем мире у древних предков гайнинцев. Ар в своем синонимичном значении употребляется и как ярымтык, о чем свидетельствует существование такого подродового подразделения «ара ярымтык» (жители деревни Танып Бардымского района Пермского края РФ), также, как и подразделение «хорьков» среди усярган Хайбуллинского района Республики Башкортостан или также «шурале-ярымтык» среди рода кыпчак Бурзянского района Республики Башкортостан, о чем свидетельствуют соответствующие древние народные легенды [Хуббитдинова, Юлдыбаева, Салихов 2019: 169]. Другими словами, в некоторых этногенетических легендах определяющую роль в зарождении того или иного рода, подродового подразделения ар упоминаются мифические существа с женским началом, когда в результате союза мужчины с ними как раз образовались род или племя.

Надо сказать, что повествование сюжета о выборе мифического существа в качестве первопредка, точнее праматери, в этногенетической легенде было необходимо для решения неких общественно-политических, культурно-этногенетических задач. Так, люди могли считать себя потомками чингизидов или других известных из истории народа вельмож (Муйтен-бий, Чингиз-хан), а также мифических существ — шурале (леший, хозяин леса), шайтан, ярымтык — пэри или шурале (существуют легенды «Шайтаново племя», «Ара бире¹», «Чертов ара» и т. д.).

Если род или племя, якобы восходящие к известным историческим личностям, призваны представлять его силу и мощь, то мифические персонажи, животные в том чис-

¹ Здесь: ара — родовое подразделение у башкир, бире / пэри — оборотень.

ле, которых представляли как прародителя рода, являлись тотемными, священными существами. Так мифическое существо стало выполнять функцию первопредка, прародителя, что является традиционным явлением в фольклоре. В рассматриваемой легенде «Айна и Гайна» в результате союза человека и мифической ар и произошел башкирский род Гайна.

В башкирском языке *ар* означает ‘позор, стыд’ (как было сказано в легенде, ар был совершенно нагим). Также есть слова *ар + бау* ‘заколдовывать’, *ар + баусы* ‘ворожея, гадалка’, *арыу* ‘установить’ и др., производным которых, возможно, является все то же слово *ар* [Хуббитдинова, Юлдыбаева, Салихов 2019: 170]. Оно примерно в таком же значении бытовало и в древнетюркском языке [ДТС 1969: 53]. Видимо, здесь наблюдается стремление гайнинцев мифологизировать происхождение рода, придать ему оттенок мистики, что побудило их «задобрить» некогда отрицательную ведьму ар, переведя ее в пантеон положительных персонажей (героев).

Результаты. В результате проведенного исследования было установлено наличие в рассматриваемой легенде об Айне и Гайне изображения древнего солярного мотива, который впоследствии переплетается с мотивом женитьбы героя на мифическом существе из рода ар, превратившемся в прекрасную девушку (следовательно, необычную, ритуализированную), что положило начало роду Гайна. Наличие в произведении древних сакральных представлений о солнце и образов культурного героя-первопредка — зачинателя рода или племени, тотемного животного (олени) — говорит об эпичности данного произведения, масштабности фольклорного мышления этого народа. Так же, как сегодня невозможно обнаружить в народе изложение целостного эпоса, а лишь фрагменты его, так и в период фиксации этногенетической легенды «Айна и Гайна» и ее вариантов целостность сюжета могла быть утрачена. Удачно, что архаические эпосы «Урал-батыр» и «Акбузат» были зафиксированы в более ранние периоды (1910 г. и 1917 г. соответственно). Эпическая легенда об Айне и Гайне к моменту своей записи в 1963 г. могла уже пережить десакрализацию, когда произошло «ослабление строгой веры в истинность мифиче-

ских «событий» [Мелетинский 1976: 264]. Впоследствии она могла сузиться до сказки, легенды, сказаний — хикаят и т. д. В данном случае он мог сохраниться в виде вариантов легенды «Айна и Гайна» как драгоценный осколок древнего, возможно, одноименного эпоса гайнинцев.

Этому процессу также способствовало то, что северо-западные башкиры рода Гайна по велению судьбы оказались отрезанными от основной исторической родины — Башкортостана (в отличие от своих соплеменников, и по ныне проживающих на территории Республики Башкортостан). В результате в их жизнь начала вторгаться инонациональная культура, месторасположение рядом с Казанью способствовало татаризации региона, приведшей с собой усиленную исламизацию. Последнее более всего вытеснило из человеческой памяти этнические архаические традиции и знания (об этом свидетельствует и современная практика полевых исследований в данном регионе в том числе).

Выводы

Варианты этногенетической легенды «Айна и Гайна» дошли до нас благодаря их фиксации в 1963 г. известным башкирским ученым Киреем Мэргеном. Знания об истории возникновения эпоса и законов эпосотворчества, времени его исчезновения позволяют усмотреть в легендарном сюжете нечто большее, чем просто легенду. Если миф, пережив десакрализацию и деритуализацию в связи с обесцениванием начальных древних верований и представлений о мире, может распадаться на сказки, то архаический эпос, в свою очередь, именно по этой же причине может разложиться на мифологические легенды. Следовательно, перед нами осколок, часть или краткое переложение некогда известного архаического эпоса о возвращении культурным героем-первопредком солнца верхом на белом олене, открывшем также плодородные земли для жизни нового рода, зародившегося в результате брака с мифической женщиной-демиургом. В целом, можно сказать, схожую судьбу разделили и другие подобные этногенетические легенды, основывающиеся на древних, в том числе и тотемных, верованиях, солярных мифах, в основе своей они могут являться следствием некогда существовавшего архаического эпоса.

Литература

- Акбузат 1977 — Акбузат // Башкирский народный эпос: из серии «Эпос народов СССР». М.: Наука, 1977. С. 373–417.
- Бакиров 2017 — Бакиров А. А. Отражение культа оленя в генеалогических сюжетах мифологии кыргызов [электронный ресурс] // АКИпресс. История Кыргызстана и кыргызов. 11.09.2017. URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:9142/?from=kghistory&place=search&sth=468af599e7414939179b2f10750f30c1 (дата обращения: 10.11.2019).
- БНТ 1976 — Башкирское народное творчество: Сказки о животных и волшебные сказки. Кн. 1. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1976. 380 с.
- БНТ 1997 — Башкирское народное творчество: легенды и предания. Т. 2. Уфа: Китап, 1997. 440 с.
- БНТ 2000 — Башкирское народное творчество: исторический эпос и хикаяты (иртэк). Т. 5. Уфа: Китап, 2000. 392 с.
- Бийгельдиева 2016 — Бийгельдиева Ч. А. Киргизские мифы как парадигмы этнической культуры // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. Новосибирск: Изд-во АН ССР «СибАК», 2016. № 1(56). С. 177–186.
- Веселовский 1940 — Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Наука, 1940. 648 с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Заятуляк и Хыухылу 1977 — Заятуляк и Хыухылу // Башкирский народный эпос. Серия

«Эпос народов СССР». М.: Наука, 1977. С. 418–427.

- Илимбетова 2012 — Илимбетова А. Ф. Олень в устном творчестве, народном искусстве и верованиях // Башкиры-гайнинцы. История и современность. Уфа: Китап, 2012. С. 164–199.
- История 2015 — История башкирских родов: Гайна. Уфа: Шежере, 2015. 696 с.
- Мелетинский 1976 — Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 406 с.
- Мифы народов мира 1987 — Мифы народов мира. Т. 1. А–К. М.: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.
- Мифы народов мира 1988 — Мифы народов мира. Т. 2. К–Я. М.: Советская энциклопедия, 1988. 671 с.
- Хуббитдинова, Юлдыбаева, Салихов 2019 — Хуббитдинова Н. А., Юлдыбаева Г. В., Салихов А. Г. Духовное наследие тулвинских башкир: фольклор и археография (по материалам комплексной научной экспедиции) // Филология и человек. 2019. № 4. С. 169–176. DOI: 10.14258/filichel(2019)4-15
- Хуббитдинова 2011 — Хуббитдинова Н. А. Художественное отражение фольклора в литературе XIX века (к проблеме русско-башкирских фольклорно-литературных взаимосвязей). Уфа: Гилем, 2011. 126 с.
- Шитова 2012 — Шитова С. Н. Исторические поселения, традиции устройства жилищ // Башкиры-гайнинцы: история и современность. Уфа: Китап, 2012. С. 19–75.

References

- [Bashkir Folklore: Animal and Magic Tales]. Vol. 1. Ufa: Bashkir Book Publ., 1976. 380 p. (In Bash. and Russ.)
- [Bashkir Folklore: Historical Epic and the *Khikayat* (*Irtek*)]. Vol. 5. Ufa: Kitap, 2000. 392 p. (In Bash. and Russ.)
- [Bashkir Folklore: Legends and Stories]. Vol. 2. Ufa: Kitap, 1997. 440 p. (In Bash. and Russ.)
- [Dictionary of Old Turkic]. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Turk. and Russ.)
- [History of Bashkir Clans: the Gaina]. Ufa: Shezhere, 2015. 696 p. (In Russ.)
- [Myths of the World]. Vol. 1: A–K. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1987. 720 p. (In Russ.)
- [Myths of the World]. Vol. 2: K–Я. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1988. 671 p. (In Russ.)
- Aq buzat*. In: [Bashkir National Epic]. Ser. ‘Epic Traditions of Soviet Peoples’. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 373–417. (In Russ.)

- Bakirov A. A. Kyrgyz mythology: the cult of deer in genealogical plots. At: AKIpress. History of Kyrgyzstan and the Kyrgyz (website). Posted on September 11, 2017. Available at: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:9142/?from=kghistory&place=search&sth=468af599e7414939179b2f10750f30c1 (accessed: January 10, 2020). (In Russ.)
- Biyyeldieva Ch. A. Kyrgyz myths as a paradigm of ethnic culture. In: [In The World of Science and Art: Issues of Philology, Art Studies and Culturology]. Conf. proc. Novosibirsk: SibAK, 2016. No. 1(56). Pp. 177–186. (In Russ.)
- Ilimbetova A. F. Deer in oral folklore, arts and beliefs. In: [Gaina Bashkirs: Past and Present]. Ufa: Kitap, 2012. Pp. 164–199. (In Russ.)
- Khubbitdinova N. A. [Folklore in 19th-Century Literature: Russian-Bashkir Folklore-Literary Ties Revisited]. Ufa: Gilem, 2011. 126 p. (In Russ.)
- Khubbitdinova N. A., Yuldybaeva G. V., Salikhov A. G. Spiritual heritage of the Tulva Bashkirs:

- summarizing results of a comprehensive research expedition. *Philology & Human*. 2019. №4. S. 169–176. (In Russ.) DOI: 10.14258/filichel(2019)4-15
- Meletinsky E. M. [Poetics of Myth]. Moscow: Nauka, 1976. 406 p. (In Russ.)
- Shitova S. N. Historical settlements and dwelling traditions. In: [Gaina Bashkirs: Past and Present]. Ufa: Kitap, 2012. Pp. 19–75. (In Russ.)
- Veselovskiy A. N. [Historical Poetics]. Moscow: Nauka, 1940. 648 p. (In Russ.)
- Zayatul'yaq and Khyukhylyu*. In: [Bashkir National Epic]. Ser. 'Epic Traditions of Soviet Peoples'. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 418–427. (In Russ.)

